

УДК 811.161.1'23

КОНКУРЕНЦИЯ ЛЕКСЕМ *СТУКАЧ* И *ДОНОСЧИК* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Л.В. Владимирова, Т.В. Бузанова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

В статье рассматривается история конкуренции имен *стукач* и *доносчик* в русском языке. Определено время появления субстантива *стукач*, его проникновения из лагерного жаргона в разговорный язык и начала конкуренции со словом *доносчик*. На основе анализа существующих исследований, касающихся темы стукачества/доносительства, показана важность заполнения исследовательской лакуны, связанной с отсутствием лингвистических работ по изучению субстантива *стукач*. На материале разнообразных словарей и справочников приведены факты, демонстрирующие общее и специфическое в истории этих лексем, доказана необходимость корректирования стилистической отнесенности лексемы *стукач* в современном русском языке. На материале «Колымских рассказов» В.Т. Шаламова и романа «Обитель» З. Прилепина исследована психология доносительства, определены причины тотальности стукачества в ГУЛАГе, прослежено функционирование указанных лексем в художественном тексте, приведен статистический материал, демонстрирующий частотность употребления номинаций *стукач*, *доносчик* и однокорневых с ними образований в указанных произведениях.

Ключевые слова: *стукач*, *доносчик*, *донос*, конкуренция лексем, национальная детерминированность стукачества, лагерная проза, В.Т. Шаламов, З. Прилепин

Обращение к вопросу о конкуренции номинаций *стукач* и *доносчик* в истории русского языка продиктовано, во-первых, масштабностью явления стукачества/доносительства в советский период, а во-вторых, национальной детерминированностью этого явления, версия о которой была выдвинута В.Т. Шаламовым: с точки зрения писателя, тотальность стукачества в России объясняется особенностями русского национального характера.

К сожалению, лингвисты нечасто обращаются к теме стукачества/доносительства. Однако это явление в русской культуре настолько частотно, а его отражение русским языком настолько многообразно, что оно не могло остаться совсем без внимания. В тех немногих работах, которые существуют, данная тема рассматривается (либо так или иначе затрагивается) в различных ракурсах.

Так, М.И. Шапир на примере игры слов как средства языковой политики исследует явление доносительства в социолингвистическом аспекте. Он приводит уникальный факт из истории советской лексикографической практики, на который до него никто не обращал внимания. Дело в том, что «Толковый словарь

русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова, первый нормативный толковый словарь советской эпохи, известен большинству специалистов в двух изданиях: 1935 и 1947 гг. Однако впервые словарь был издан в 1934 г. До недавнего времени считалось, что все издания идентичны, но сравнение дефиниций слова *донос* в изданиях 1934 и 1935 гг. (временная разница – 9 месяцев!) доказывает, что это далеко не так. Кардинальной редакции подвергся именно первый том словаря, в котором и содержится информация о существительном *донос*.

Словарь 1934 г. толкует лексему *донос* достаточно нейтрально: «тайное сообщение кому-н., обладающему властью, о чьих-н. преступных действиях или замыслах» (ТСУ-1, стб. 766). В издании же 1935 г. объем статьи увеличился в два раза: «орудие борьбы буржуазно-черносотенной реакции против революционного движения – сообщение царскому или другому реакционному правительству о тайно готовящихся революционных выступлениях, о деятельности революционных организаций или отдельных революционеров. *По доносу предателя царские жандармы разгромили подпольную большевистскую организацию. Фашисты, на основании доноса провокатора, бросили в тюрьму группу комсомольцев*» (ТСУ-2, стб. 766).

По мнению М.И. Шапира, в этой ситуации наблюдается игра слов, так как одна и та же лексема в одном и том же словаре реализует фактически разные значения. И цель этой игры очевидна: «государство не просто было заинтересовано в доносах – оно принуждало граждан к доносительству» [1, с. 486]. Этому мешало «нравственное чувство, поддерживаемое экспрессивным ореолом слова *донос* в языковой традиции» [1, с. 487]. И чтобы стимулировать доносительство, было «просто» изменено значение указанной лексики в законодательном для той эпохи словаре. Очевидно, что правителям того времени в первую очередь важно было показать «не то, **как употребляются** слова и обороты, а то, **как их следует употреблять**» (выделено нами. – Л.В., Т.В.) [1, с. 486].

Другой российский ученый-лингвист А.Д. Шмелёв, анализируя изменчивость языковой нормы, приходит к выводу, что советские пропагандисты в идеологических целях нередко меняли норму и с необычайной легкостью создавали новую «норму» [2, с. 276]. Одним из убедительных подтверждений данного вывода, на взгляд ученого, является лексикографическая история слова *донос* в русском языке первой половины XX в., в своих рассуждениях он ссылается на упомянутую выше статью М.И. Шапира [1].

Названная работа примечательна тем, что в ней (одной из немногих) можно обнаружить не прямое указание на синонимию имен *доносчик* и *стукач*: «...Из бытового дискурса эти слова (*донос* и *донести*. – Л.В., Т.В.) устранить не удалось, и человек, тайно сообщаящий властям о предосудительных с их точки зрения действиях, рисковал заслужить клеймо *доносчика*, или *стукача*» [2, с. 281].

Г.В. Быкова и И.А. Стернин, рассуждая о концептах и лакунах, затрагивают вопрос и о внутриязыковых лексических лакунах. В частности, они указывают на наличие в русском языке существительных *донос* и *жалоба* для обозначения концепта «сообщение об отрицательных фактах» и отсутствие лексем, обозначающих концепт «сообщение о позитивных явлениях» [3, с. 65]. Между тем, на наш взгляд, данную лакунарность объясняет тот факт, что всё негативное в жизни маркируется языком чаще, чем хорошее, поскольку положительное

воспринимается человеком как нормальное явление, как норма, в связи с чем язык в первую очередь фиксирует негатив, то есть не норму (см. об этом, например, [4, с. 367]), нередко оставляя без внимания позитив.

Частичным подтверждением сказанному является и ответ на вопрос: свидетельствует ли наличие в языке внутриязыковых лакун о том, что в сознании россиян нет того или иного концепта? Авторы указанной статьи отвечают на поставленный вопрос категорическим нет: отсутствие слова (слов) говорит не об отсутствии концепта, а об отсутствии «коммуникативной потребности в его обсуждении» [3, с. 63].

Рассматривая коммуникативные неудачи в межкультурной коммуникации, Д.Б. Гудков приходит к выводу, что при общении разграничить вербальное и невербальное часто оказывается достаточно трудно.

В аспекте исследуемой темы актуален один из примеров, приведенный им в качестве доказательства своей мысли: во время беседы с немецкими коллегами русский, заметив человека, который неожиданно вошел в комнату, выразительно посмотрел на него (видимо, для того чтобы незаметно привлечь к нему внимание присутствующих) и, понизив голос, постучал костяшками пальцев по столу. В этой ситуации русские коммуниканты поняли данный жест как предупреждение о том, что вошедший может донести начальству о содержании разговора, что он «стукач», а для немцев жест оказался непонятным [5, с. 60].

Подобное недоразумение стало возможным из-за того, что представитель одной культуры, не поняв значения знака представителя иной культуры, не смог осемантизировать его жест. Данный пример демонстрирует значимость явления стукачества для россиян, которые в большинстве своем осведомлены об указанном невербальном знаке. Помимо этого, он интересен тем, что в нем сталкиваются слова *донести* и *стукач*, причем последнее взято в кавычки, может быть, в силу своей просторечности или жаргонности. Так или иначе, употребление этих лексем в одном контексте, их почти синонимизация (*донести* = быть *стукачом*) косвенно подтверждают конкуренцию этих лексем в современном русском языке.

Как видно из анализа вышеперечисленных работ, в первую очередь они касаются слов *донос*, *доносчик* и *доносить*. Даже принимая во внимание тот факт, что словообразовательное гнездо с вершиной *доносить* возникло в языке значительно раньше, чем гнездо с вершиной *стучать*, нам кажется не совсем оправданным, что лексемы *стукач* и *стучать* почти не изучены, поэтому мы попытаемся заполнить эту исследовательскую лауну.

Итак, первым из указанных существительных в русском языке XVIII в. появилась лексема *донос*. Вначале она использовалась в нейтральном и даже положительном смысле. Отрицательная коннотация слов *донос* и *доносить/донести* (на кого-либо) сформировалась в первой половине XIX в. (см., например, [1, с. 487; 2, с. 17]). Частичное отражение трансформации семантики этих лексем можно обнаружить в словаре В.И. Даля:

«...**Доносить, донести**... | докладывать, уведомлять начальство о чем, словесно или письменно; доводить до сведения; | на кого, доводить, обнаруживать что, обвиняя. <...> Исправник донес губернатору, а этот доносит министру. Кто-то на меня облыжно донес. Кто станет доносить, тому головы не сносить. <...> Донос *м.* об. действ. по знач. глаг. | Встарь, доношенье, а ныне донесение,

рапорт начальству. | Донос, довод на кого, не жалоба за себя, а объявление о каких-либо незаконных поступках другого; извет. <...> Доносчику первый кнут, от товарищей, за донос, либо от начальства, за неисправность. Доносчик – что перевозчик: надобен на час, а там, не знай нас!» (Даль, с. 468).

В лингвистической литературе нам не удалось обнаружить сколь-либо достоверных сведений о времени появления слов *стукач* и *стучать* в русском языке. Словари В.И. Даля и Д.Н. Ушакова эту лексему не фиксируют. Тем не менее, опираясь на материалы «Справочника по ГУЛАГУ» Ж. Росси¹, смеем предположить, что существительное *стукач* появилось в первой трети XX в.:

«**Стукач, -иха, -ка** – “кто стучит в дверь камеры, чтобы выпустили в коридор для секретного сообщения”, доносчик; см. *сексот*. Термин, неизвестный в царской тюрьме, **появился в самом начале сов. Власти**² (выделено нами. – Л.В., Т.Б.)» (Росси).

Определение, данное Ж. Росси, вначале наводит на мысль о том, что сфера употребления слова *стукач* – исключительно лагерный жаргон. Однако развернутая статья о стукачестве в СССР, сопровождающая данную дефиницию, заставляет изменить первое впечатление. Более того, анализ информации, почерпнутой из этой статьи, приводит к выводу о том, что существительное *стукач* в описываемый период начинает постепенно проникать в русский разговорный язык и использоваться параллельно с именем *доносчик*:

«...Стукач – герой эпохи социализма. ...Сеть стукачей – основа советского строя. <...> В отличие от царей, советские правители открыто возводят **с.[тукача]** в сан праведника и героя (см. *Павлик Морозов*). Так, по случаю XX годовщины ВЧК сов. гражданам авторитетно напомнили, что “сотрудничество” с органами госбезопасности – их “благороднейший и священный долг” (“Правда” 20 декабря 1937 г.); ср. *недонос.* ...Все советские почести, награды и привилегии непременно распространяются на доносчиков и провокаторов. <...> **За стукачом топор гуляет** или **Стукач гуляет с топором за спиной** (поговорка; удар сзади топором уже не одного стукача прикончил)» (Росси).

Интересно, что Ж. Росси не выносит в отдельную словарную статью существительное *доносчик*, но оно постоянно употребляется в тексте статьи «Стукач» как синонимичное к этой номинации. Еще одна цитата для подтверждения синонимизации этих имен и в дополнение к указанной выше дефиниции лексемы *стукач*: «...**Доносчики** под особой охраной: в связи с массовыми избиениями **стукачей** сов. власть стала за убийство частного лица применять смертную казнь. Вербовка **доносчиков** и провокаторов – в ведении опера, который стремится иметь их как можно больше. Голод, изнурительность работы, полная незащитность заключенных облегчают дело: иной становится **стукачом** за лишнюю миску баланды, за махорку, за работу не на общих, из-за боюся (выделено нами. – Л.В., Т.Б.)» (Росси).

¹ Считаю важным сказать несколько слов об авторе этого малоизвестного произведения, которое Ж. Росси скромно назвал справочником. Приехав в СССР по приглашению Коминтерна, французский лингвист и политолог Ж. Росси пробыл в сталинских тюрьмах и лагерях почти 15 лет (Росси). Его труд можно расценивать одновременно и как энциклопедический словарь ленинско-сталинской эпохи, и как исчерпывающей полноты толковый словарь советских лагерных терминов.

² Трахтенберг (1908) и Попов (1912) приводят в своих словарях лишь «стучать – говорить, спорить» (примечание Ж. Росси. – Л.В., Т.Б.).

Как видим, в одном небольшом тексте слова *стукач* и *доносчик* употреблены одинаковое количество раз (по два раза каждое). Таким образом, о начале конкуренции существительных *стукач* и *доносчик* следует говорить применительно к языку первой трети XX в. Более поздние словари лишь отражают продолжение этой тенденции. В качестве иллюстрации приведем два примера:

«**Стукач** (*прост. презр.*). То же, что доносчик» (Ож., с. 713).

«**Стукач** *Прост. презр.* Доносчик. Семен Ермаков – доносчик – «стукач» заводской администрации, а сверх того и сотрудник охраны. Югов. Шатровы.» (МАС-4, с. 294).

Любопытно, что оба словаря толкуют *стукач* через субстантив *доносчик*, подтверждая тем самым синонимию данных существительных в русском языке того периода, который отражают указанные словари.

«**Доносчик**. Человек, занимающийся доносами. || *ж.* доносчица» (Ож., с. 160).

«**Доносчик**. Тот, кто сделал донос или занимается доносами. – *Что это я сделал! Я выдал всё и всех. – Я доносчик.* Тургенев. Ночь» (МАС-1, с. 429).

Сравнение дефиниций слов *стукач*, *доносчик* и однокорневых с ними лексем в словаре Ожегова и так называемом Малом академическом словаре русского языка вызывает некоторое недоумение.

Во-первых, оба словаря приводят почти все члены словообразовательного гнезда с начальным *доносить* (*доносить*, *доносчик*, *доносчица*, *донос*, *доносительство*), игнорируя при этом даже производящий для имени *стукач* глагол *стучать*, не говоря уже о номинации *стукачество*. Следует заметить, что лексему *стучать* можно обнаружить только в справочнике России:

«**Стукнуть** – донести. “Кто-то стукнул на Яшу и его посадили”; см. *дунуть*, *стучать*» (Росси).

«**Стучать** – доносить; см. *стукач*». «**Хотя и не плотник, а стучать охотник** (прибаутка о стукаче)» (Росси).

Во-вторых, судя по материалам словарей (Ож., МАС-1, МАС-4), *доносчик* и *стукач* функционируют в языке как синонимы и, как правило, взаимозаменяемы, но в таком случае непонятно, почему существительное *стукач* сопровождается пометой «презрительное», а *доносчик* – нет. Если лексемы обозначают одно и то же действие, то, на наш взгляд, невозможно, чтобы человек-стукач вызывал презрение, а человек-доносчик – нет, даже если субстантив *стукач* относится к просторечию, хотя и это обстоятельство применительно к современному русскому языку вызывает у нас большие сомнения. Наши наблюдения убеждают нас в том, что необходимо скорректировать стилистическую отнесенность слова *стукач* и уравнивать его в стилистических правах с именем *доносчик*.

Доносительство/стукачество является прецедентным феноменом советской истории, культуры – в широком смысле. Эта тема в русском языке и русской литературе, особенно в языке и литературе XX в., – необъятна. Мы проанализировали функционирование лексем, объединенных указанной темой, в «Колымских рассказах» Варлама Шаламова и романе Захара Прилепина «Обитель», причем рассмотрели имена *стукач* и *доносчик* не изолированно, а в сопоставлении с другими однокорневыми словами, которые в совокупности формируют своеобразные текстовые словообразовательные гнезда.

Несмотря на то что мы не ставили своей целью изучение субстантивов *стукач* и *доносчик* в аспекте словообразования (определение способа их образования, словообразовательных средств, выявление их словообразовательных связей и т. п.), тем не менее совсем избежать данного аспекта оказалось невозможно в силу важности этих характеристик. По свидетельству лингвистов, производные слова и шире – русское словообразование в целом «открывает возможность для концептуальной интерпретации действительности. Оно позволяет понять, *какие* элементы внеязыковой действительности и *как* словообразовательно маркируются, *почему* они удерживаются сознанием, ибо уже сам выбор того или иного явления действительности в качестве объекта словообразовательной детерминации свидетельствует о его значимости для носителей языка» [6, с. 8–9].

По нашим наблюдениям, наибольшее количество производных от глагола *доносить* в русском языке было отмечено в словаре В.И. Даля:

«**Доносный**, к доносу относящийся. <...> Доносчивый человек, изветливый, охочий до доносов. | <...> Доноситель *м.* -ница *ж.* кто доносит о чем. Доноситель, -ницын, ему, ей лично принадлежащ. Доносительский, к доносителю относящ. Доносительный, к донесению относящ. Доносчик *м.* -чица *ж.* доказчик, доводчик, подавший на кого донос, извет. <...> Доносчиков, доносчицын, ему, ей принадлежащий. Донощичий, к доносчикам относящийся, им свойственный» (Даль, с. 468) (см. также первую часть этой словарной статьи, приведенную выше).

Что касается глагола *стучать* в интересующем нас значении, то наиболее полно его производные представлены в справочнике Ж. Росси: *стучать, настучать, застучать, стукнуть, застукать, стукач, стучевило, стукачиха, стукачка, стукаческий, стукачество, стук*. Вот определения некоторых производных:

«**Стучевило** – доносчик, стукач; см. *стукач*». «**Стукачка** – женщина-доносчик; см. *стукач*». «**Стукачиха** – то же, что стукачка». «**Стукаческий, ая, ое**, – относящийся к стукачеству; свойственный стукачу: – “Это с.[тукаческий] барак!”, то есть барак, где множество стукачей». «**Стукачество** – доносительство; см. *стукач*; ср. *стук*» (Росси).

В произведениях В.Т. Шаламова и З. Прилепина количество лексем, образованных от глаголов *доносить* и *стучать*, значительно меньше, чем отражено в словарях В.И. Даля и Ж. Росси. Однако это обстоятельство ничуть не умаляет нашего интереса проследить функционирование существующих производных слов в художественном тексте, поскольку эти производные образуют своеобразные деривационные смыслы. «Автор задает поле таких смыслов, а читатель обнаруживает приемы актуализации этих смыслов. В иерархии смыслов художественного текста деривационные занимают определенное место и наряду с другими участвуют в смыслопорождении, а значит, и смыслопостижении» [7, с. 42] того или иного произведения.

Тема стукачества/доносительства – одна из ключевых в «Колымских рассказах» В.Т. Шаламова, пронизывающая всю его лагерную прозу. Писатель мучительно пытается проникнуть в психологию этого массового явления, и ему это «блистательно» удается – «описать психологию человеческих действий в условиях длительных и безнадежных лишений» [8].

«Я много размышлял о великом лагерном чуде – чуде *стукачества*, чуде *доноса*. Когда Киселёву *донесли*? Значит, *стукач* не спал ночь, чтобы добежать до вахты или до квартиры начальника? Измученный работой днем, правоверный *стукач* крал у себя отдых ночной, мучился, страдал и “доказывал”. Кто же? Нас было четверо при этом разговоре. Сам я – не *доносил*, это я твердо знал. Есть такие положения в жизни, когда человек и сам не знает, *донес* он или нет на товарищей. Например, бесконечные покаянные заявления всяких партийных уклонистов. *Доносы* это или не *доносы*? Я уж не говорю о беспамятстве показаний с применением горячей паяльной лампы. И так бывало» (В. Ш., с. 410)³.

В.Т. Шаламов предполагал, что 90% узников ГУЛАГа (хотя понятно, что никто официальной статистики не вел) становилось стукачами, нередко добровольными, иногда вынужденными. Такова была норма, жизненная реальность лагерного существования [8].

Сведения о тотальности доносительства в лагере можно обнаружить и в романе З. Прилепина «Обитель»:

«Здесь многие в первые же три месяца опускаются – либо становятся фитилями, либо идут в *стукачи*, либо попадают в услужение к блатным, и я даже не знаю, что хуже» (З. П., с. 41).

«К катеру этому доступ имеют только четыре человека. Меня Федор вписал давно еще в список... И эти олухи не заметили. Я нарочно катер не трогала, чтоб никто внимания не обратил на то, что я на нем могу ходить куда захочу. Тут же *все доносы* пишут друг на друга – сразу бы написали...» (З. П., с. 596–597).

В долгих поисках ответа на вопрос, почему это происходило почти поголовно, В.Т. Шаламов приходит к пониманию, что разгадка кроется в особенностях национального русского характера: «Ильф и Петров в “Одноэтажной Америке” полусуто-полусерьезно указывают на непреодолимое желание жаловаться – как на национальную черту русского человека, как на нечто присущее русскому характеру. Эта национальная черта, исказившись в кривом зеркале лагерной жизни, находит выражение в *доносе* на товарища» (В. Ш., с. 544).

Национальную обусловленность стукачества в ГУЛАГе подтверждают и записи В.Т. Шаламова, не вошедшие в его «Колымские рассказы»: «Вот его фраза из записок: “(Увидел) неудержимую склонность русского человека к *доносу*, к жалобе”. – Может быть, отсюда и сталинский социализм? И его главное достижение – Колыма? <...> Случайна ли его фраза про особенность русского? Видно, нет...» [9].

Однако найденная писателем причина масштабности лагерного доносительства – не единственная. Известно определение В.Т. Шаламова, данное им ГУЛАГу, – «колымский ад». Но лагерь не является противопоставлением ада раю, это – лишь слепок жизни того времени. В нем, в его социальном и моральном устройстве, нет ничего такого, чего не было бы по ту сторону карательных вышек, а потому В.Т. Шаламов расценивает лагерь как своего рода модель человеческой жизни, где все ее проблемы доведены и обострены до крайнего предела. Стучать и писать доносы в ГУЛАГе считалось нормальным

³ Здесь и далее все выделения в текстовых иллюстрациях наши. – Л.В., Т.Б.

именно потому, что это в той или иной мере было присуще и тем, кто находился вне зоны [8]: условия разные, а нравы – те же.

Повальность доносительских действий вызывала всеобщий страх перед стукачеством не только у рядовых лагерников, но даже среди лагерного начальства, поскольку донос часто ассоциировался со смертью (см., например, (З. П., с. 461)). Нередко боязнь доноса диктовала избирательность начальников при совершении преступления: «Предложение разделить пьяную холостяцкую компанию было уделом всех женщин (приехавших за мужьями на Колыму. – Л.В., Т.В.) без исключения, и если заключенной командовали просто: “Раздевайся и ложись!”... то с женами зэка обращение было еще более свободное. Ибо при изнасиловании заключенной всегда можно нарваться на **донос** своего друга или соперника, подчиненного или начальника, а за “любовь” с женами зэка, как с лицами, юридически независимыми, никакой статьи подобрать было нельзя» (В. Ш., с. 521).

Зная об этом страхе и сами испытывая подобный страх, начальники разных мастей и разных моральных качеств часто прибегали к методу запугивания доносом, иногда «изобретая» для него новые изощренные названия. В следующем примере – это субстантив «меморандум» (ср. в русском литературном языке **меморандум** *дилл.* – ‘документ, излагающий взгляды правительства по какому-л. вопросу’):

«По части всяких клеветнических **меморандумов** Доктор тоже был большой мастер и мог “оформить” кого угодно. Был он начальником мстительным, мелко мстительным.

– Вот ты мне не поклонился при встрече, а я на тебя напишу **донос**, да не просто **донос**, а официальный **меморандум**. Напишу “кадровый троцкист и враг народа” – и уж будь покоен – штрафной прииск тебе обеспечен» (В. Ш., с. 453–454).

Однако, как пишет В.Т. Шаламов, не меньше начальства заключенные боялись стукачей-товарищей:

«Трудны таежные пути побега, но еще труднее подготовка к нему. Ведь всякий день, всякий час будущие беглецы могут быть разоблачены, выданы начальству своими товарищами. Главная опасность – не в конвое, не в надзирателях, а в своих товарищах-арестантах, тех, которые живут одной жизнью с беглецами и рядом с ними двадцать четыре часа в сутки.

Каждый беглец знает, что они не только не помогут ему, если заметят что-либо подозрительное, но и не пройдут равнодушно мимо увиденного. Из последних сил голодный, измученный арестант доползет, дошагает до “вахты”, чтобы **донести** и разоблачить товарища. Это делается не даром – начальник может угостить махоркой, похвалить, сказать “спасибо”. Собственную трусость и подлость **доносчик** выдает за что-то вроде долга. Он не **доносит** только на блатных, потому что боится удара ножом или веревочной удавки» (В. Ш., с. 543).

В этом отрывке из «Колымских рассказов» примечательна еще одна деталь: многие стукачи, понимая подлость своих деяний, пытались оправдать их чувством долга (в данном конкретном случае, донеся, они могли бы предотвратить побег из лагеря).

Однако не всё «лагерное население» (словосочетание В.Т. Шаламова (В. Ш., с. 37)) поддавалось «доносительскому психозу», многие, понимая, что стыдно быть стукачом, сомневались, мучились, пытались найти ответы на сложные вопросы в условиях и без того трудной, невыносимой жизни:

«Одной частью сознания Артём уговаривал себя, что это стыдно, что он так не поступит, потому что не *стукач*... но одновременно он понимал, что не идет назад в ИСО по совсем другой причине.

И он проговорил себе вслух, что это за причина: “Она не переведет тебя никуда, идиот! На кого ты будешь *стучать* в новой роте, где ты никого не знаешь?”» (З. П., с. 183).

«Последним усилием своего бедного голодного мозга, иссушённого мозга, Андреев понимал, что надо искать какой-то выход. <...> Он, давший когда-то себе клятву не быть бригадиром, не искал спасения в опасных лагерных должностях. Его путь иной – ни воровать, ни бить товарищей, ни *доносить* на них он не будет» (В. Ш., с. 498–499).

В последней фразе усматривается некий кодекс лагерной, а по сути – человеческой чести: не искать спасения в высоких должностях, не воровать, не бить товарищей, и главное – не доносить! Обращают на себя внимание слова *клятва*, *путь*, которые в этом контексте можно рассматривать как принадлежащие к высокому стилю.

Правда, иногда писатели выражают осуждение стукачества не прямым текстом, а косвенно, через иронию:

«“Пора *стучать*, Артём, пришла твоя пора”, – пропел мысленно [Артём] и... медленно пошел к амбару... чтоб подумать, как теперь быть... Будто что-то зависело от его дум. <...> “А начнешь *стучать*, – подзуживал себя Артём, – тебе еще один паек назначат, третий. Всегда будут рубли на кармане. Разъешься. Станешь масляный, медленный, щекастый...”» (З. П., с. 214).

«Пусть думает, что я главный лагерный *стукач*, – продолжал Артём насмехаться над самим собой, унося паек, – ...пусть догадается по моей наглой морде, что я отсидел свое и остался вольняшкой в монастыре из природной склонности к подлости и лизоблюдству! За это меня и кормят!» (З. П., с. 215).

Во втором отрывке из «Обители» З. Прилепина стукачество фактически синонимизируется с наглостью, подлостью и лизоблюдством, хотя прямо об этом не говорится, а глагол *насмехаться* вообще уводит нас в область иронии или самоиронии.

Почему для В.Т. Шаламова и З. Прилепина так важна была тема стукачества/доносительства? Ответ на этот вопрос, смеем надеяться, содержится в наших рассуждениях выше. Однако существует еще одно обстоятельство, касающееся только В.Т. Шаламова, на которое указывает большой друг писателя и единственная владелица его архива И.П. Сиротинская: «...*Стукачи* его сопровождали буквально до смертного одра, до края могилы» [10]. Помимо этого, для писателя *не донести* – это всегда было основой человеческой нравственности: «Что главное ценил в себе: верность, нравственную твердость (“не предал никого в лагере, *не донес*, на чужой крови не ловчил”» [10].

Табл. 1

Количество лексем *стукач*, *доносчик*, *стучать*, *доносить*, *донос*, *стукачество*, *доносительство* в «Колымских рассказах» В.Т. Шаламова и романе «Обитель» З. Прилепина

Писатель	Лексема						
	<i>Стукач</i>	<i>Доносчик</i>	<i>Стучать</i>	<i>Доносить</i>	<i>Донос</i>	<i>Стукачество</i>	<i>Доносительство</i>
В.Т. Шаламов	6	1	2	10	9	1	–
З. Прилепин	10	1	3	–	3	–	–

В табл. 1 представлено число исследуемых лексем в рассматриваемых произведениях В.Т. Шаламова и З. Прилепина.

Обращает на себя внимание тот факт, что заметно преобладает у обоих писателей существительное *стукач* по сравнению с именем *доносчик*. При этом глагол *доносить* используется в рассказах В.Т. Шаламова 10 раз, а в романе З. Прилепина он отсутствует вовсе (последний отдает предпочтение слову *стучать*). Кроме того, лексема *донос* в прозе В.Т. Шаламова встречается в три раза чаще, чем в произведениях З. Прилепина. Любопытна и диспропорция в употреблении слов *доносить* и *доносчик* в «Колымских рассказах» В.Т. Шаламова: 10 к 1. В целом анализ употребления обозначенных лексем в произведениях В.Т. Шаламова и З. Прилепина говорит о том, что по направлению к современности (первая треть XX – начало XXI в.) субстантив *стукач* побеждает номинацию *доносчик*.

Проведенный анализ конкуренции номинаций *стукач* и *доносчик* свидетельствует о том, что в основе русской разговорной речи нередко оказывается так называемый лагерный жаргон, он «прочно въелся в стихию родного языка и мышления» (Росси) и во многом является ключом к пониманию современной российской истории и жизни в целом.

Источники

- В. Ш. – Шаламов В.Т. Колымские рассказы: в 2 т. – М.: Рус. книга (Сов. Россия), 1992. – Т. 1. – 592 с.
- З. П. – Прилепин Захар. Обитель: роман. – М.: АСТ, 2015. – 746 с.
- Даль – Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Рус. яз., 1978. – Т. 1. – 699 с.
- МАС-1 – Словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Рус. яз., 1981. – Т. 1. – 698 с.
- МАС-4 – Словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Рус. яз., 1984. – Т. 4. – 782 с.
- Ож. – Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Рус. яз., 1975. – 846 с.
- Росси – Росси Ж. Справочник по ГУЛАГУ: в 2 ч. – М.: Просвет, 1991. – URL: http://antisoviet.imwerden.net/rossi_gulag.pdf, свободный.
- ТСУ-1 – Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Сов. энцикл., 1934. – Т. 1. – 1562 стб.
- ТСУ-2 – Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ., 1935. – Т. 1. – 1562 стб.

Литература

1. *Шапир М.И.* Донос: социолингвистический аспект: Игра словами как средство языковой политики // Логический анализ языка: Концептуальные поля игры. – М.: Индрик, 2006. – С. 483–492.
2. *Шмелёв А.Д.* Распространенная ошибка или новая норма: как отличить одно от другого? // Отеч. записки. – 2014. – № 2. – С. 274–285.
3. *Стернин И.А., Быкова Г.В.* Концепты и лакуны // Языковое сознание: формирование и функционирование: Сб. ст. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1998. – С. 55–67.
4. *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. – М.: Яз. рус. культуры, 1999. – 895 с.
5. *Гудков Д.Б.* Теория и практика межкультурной коммуникации. – М.: Гнозис, 2003. – 288 с.
6. *Вендина Т.И.* Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). – М.: Индрик, 1998. – 240 с.
7. *Сидорова Т.А.* Проблема мотивированности слов фразеологизированной морфемной структуры в современном русском языке (системно-функциональный и когнитивный аспекты): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Н. Новгород, 2007. – 50 с.
8. *Громов Е.* Диалектика цельности // IV Междунар. Шаламовские чтения: Тез. докл. и сообщ. 1997. – URL: http://www.booksite.ru/varlam/creature_28.htm, свободный.
9. *Лебедев В.* Падение в пропасть // Лебедь: Независимый бостонский альманах. – 2007. – 17 июля. – № 532. – URL: <http://lebed.com/2007/art5050.htm>, свободный.
10. *Сиротинская И.П.* Мой друг Варлам Шаламов: Долгие, долгие годы бесед. – URL: http://www.booksite.ru/varlam/homo_06_1.htm, свободный.

Поступила в редакцию
11.07.17

Владимирова Лариса Валентиновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных наук подготовительного факультета для иностранных учащихся

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: lvladimi58@mail.ru

Бузанова Тамара Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка подготовительного факультета для иностранных учащихся

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: tabu_52@mail.ru

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2018, vol. 160, no. 5, pp. 1163–1175

A Rivalry of the Nominations *Stukach* and *Donoschik* in the Russian Language

L.V. Vladimirova*, T.V. Buzanova**

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

E-mail: *vladimi58@mail.ru, **tabu_52@mail.ru

Received July 11, 2017

Abstract

The paper considers the history of rivalry of the nominations *stukach* ('snitch') and *donoschik* ('informer') in the Russian language. The time of emerging of the noun *stukach*, its penetration from the prison camp slang to the spoken language, thereby entering the rivalry with the word *donoschik*, have been determined. The noun *donoschik* first appeared in the Russian language at the 18th century being stylistically neutral, and in the 19th century it changed its connotation to negative. *Stukach* was originally labeled negatively and appeared only in the 20th century in the bowels of the camp jargon. During the first third of the 20th century, the word *stukach* gradually began to move to the spoken language and to co-exist with *donoschik*.

Based on the analysis of the existing research concerning the topic of informing (snitching), the importance of filling the research gaps related to the lack of linguistic studies on the noun *stukach* has been demonstrated. Based on a material of various dictionaries and reference books, the facts that demonstrate the common and specific features in the history of these words have been revealed, the necessity of correcting of a stylistic attribution of *stukach* in the modern Russian language has been proved. Despite the fact that since the first third of the 20th century both words are operating in the language as synonyms, the noun *stukach* is marked as "colloquial" and "contemptuous" in the dictionaries and *donoschik* is not. In addition, the dictionaries do not provide information about the word-formation structure of *stukach*; they do for *donoschik* at full scale though. Based on the materials of "The Kolyma stories" by V. Shalamov and the novel "Obitel" ("The Monastery") by Z. Prilepin, the psychology of denunciation and the reasons for spread of snitching at the GULAG have been studied; the operation of these vocabulary units in a literary text have been traced; statistical data showing the number of times of the use of *stukach*, *donoschik*, and same-rooted words in these works has been presented.

Keywords: snitch, informer, denunciation, rivalry of vocabulary units, national determinism of snitching, camp prose, V. Shalamov, Z. Prilepin

References

1. Shapir M.I. Delation: The sociolinguistic aspect: Playing with words as a means of language policy. In: *Logicheskii analiz yazyka: Kontseptual'nye polya igry* [Logical Language Analysis: Conceptual Fields of Playing]. Moscow, Indrik, 2006, pp. 483–492. (In Russian)
2. Shmelev A.D. Common mistake or new rule: How to distinguish one from the other? *Otechestvennye Zapiski*, 2014, no. 2, pp. 274–285. (In Russian)
3. Sternin I.A., Bykova G.V. Concepts and lacunes. In: *Yazykovoe soznanie: formirovanie i funkcionirovanie* [Linguistic Consciousness: Formation and Functioning]. Moscow, Inst. Yazykoznaniiya Ross. Akad. Nauk, 1998, pp. 55–67. (In Russian)
4. Arutyunova N.D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and World of Humans]. Moscow, Yaz. Russ. Kul't., 1999. 895 p. (In Russian)
5. Gudkov D.B. *Teoriya i praktika mezhkul'turnoi kommunikatsii* [Theory and Practice of Intercultural Communication]. Moscow, Gnozis, 2003. 288 p. (In Russian)

6. Vendina T.I. *Russkaya yazykovaya kartina mira skvoz' prizmu slovoobrazovaniya (makrokosm)* [Russian Linguistic World View through the Prism of Word Formation (Macrocosm)]. Moscow, Indrik, 1998. 240 p. (In Russian)
 7. Sidorova T.A. The problem of the motivation of words of a phraseological morpheme structure in the modern Russian language (system-functional and cognitive aspects). *Extended Abstract of Doct. Philol. Sci. Diss.* Nizhny Novgorod, 2007. 50 p. (In Russian)
 8. Gromov E. Dialectics of integrity. *IV Mezhdunar. Shalamovskie chteniya: Tez. dokl. i soobshch.* [Proc. IV Int. Shalamov's Lectures], 1997. Available at: http://www.booksite.ru/varlam/creature_28.htm. (In Russian)
 9. Lebedev V. Fall into the abyss. *Lebed'*, 2007, July 17. Available at: <http://lebed.com/2007/art5050.htm>. (In Russian)
 10. Sirotinskaya I.P. My Friend Varlam Shalamov: Very long years of conversations. Available at: http://www.booksite.ru/varlam/homo_06_1.htm. (In Russian)
-

⟨ **Для цитирования:** Владимирова Л.В., Бузанова Т.В. Конкуренция лексем *стукач* и *доносчик* в русском языке // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2018. – Т. 160, кн. 5. – С. 1163–1175. ⟩

⟨ **For citation:** Vladimirova L.V., Buzanova T.V. A rivalry of the nominations *stukach* and *donoschik* in the Russian language. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2018, vol. 160, no. 5, pp. 1163–1175. (In Russian) ⟩